

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТАРЫЕ ИЗДАНИЯ

Проф. Н. Д. КОНДРАТЬЕВ

ПЛАН И ПРЕДВИДЕНИЕ*

(к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности)

6.

Спрашивается теперь, отдается ли действительно достаточный отчет в этих границах при построении наших планов? Соразмеряются ли перспективные построения в смысле их сложности и детальности с имеющимися объективно-научными возможностями предвидения? Соразмеряются ли с этими возможностями сроки, на которые мы хотим проникнуть в будущее? Учитываются ли в достаточной мере специфические особенности интересующих нас явлений в отношении большей или меньшей возможности предвидеть их будущее изменение? Отдается ли достаточный отчет в формах и типах предвидения, к которым мы в различных случаях перспективных построений прибегаем? Учитываются ли достаточно строго возможности осуществления мероприятий, предполагаемых перспективами, а также эффект этих мероприятий? В связи со всем этим — достаточно ли обосновываются наши перспективные построения?

Нужно откровенно сказать, что очень часто, если не в большинстве случаев, на целый ряд этих вопросов пришлось бы ответить отрицательно.

При построении наших планов очень часто предвидению ставят столь сложные задачи, разрешить которые при данном уровне знания мы не в состоянии. Очень часто расчет ведется на такие отдаленные сроки, сквозь которые наш анализ не в состоянии пробиться. Особенность различных явлений, их степень изменчивости, в связи с этим возможности нашего предвидения относительно их хода учитываются в большинстве случаев недостаточно. Одновременно и несмотря на все это при прогнозе и построениях на будущее мы обычно избираем самый трудный путь — путь однозначного количественно-конкретного выражения перспектив на определенное время, т. е. первый путь предвидения. Строго говоря, при построении планов нам приходится иметь дело со всеми тремя типами предвидения. Мы имеем в них дело с предвидением третьего типа, когда утверждаем в планах вероятность тенденций роста или упадка различных отраслей хозяйства, повышения или понижения цен, развития или понижения товарности хозяйства, роста производительности труда и т. д., иногда с примерными количественными выражениями их. Нам не приходится иметь дело с предвидением

* Окончание. Начало см. в журнале «Вопросы экономики» № 3 за 1992 г.

наступления повторяющихся экономических кризисов капиталистического типа ввиду того, что наше хозяйство не знает таких кризисов. Но мы все же прибегаем к предвидению второго типа, когда учитываем в планах периодические колебания хозяйственной жизни под влиянием сезонных условий. Наконец, мы имеем дело с предвидением первого типа, когда на определенный период времени предсказываем в точной количественной форме рост производства, повышение или понижение цен, рост товарности и товарооборота, приток вкладов и т. д. В большей или меньшей степени, повторяем, нам приходится иметь дело со всеми типами предвидения. Но вместе с тем нельзя не отметить, что наши планы, как правило, совершенно не отдают себе отчета в относительной трудности этих различных типов предвидения и наши планы недостаточно критически стремятся строить предвидение преимущественно по первому типу. В этом отношении у нас часто наблюдается удивительная смелость. Смелость эта выражается в том, что на большой, иногда необычайно большой, срок вперед формулируют в точной количественной форме как перспективы, так и систему мероприятий. Причем их формулируют в чрезвычайно дробной и детальной форме. Указывают не только, каких размеров достигнет, скажем, производство той или другой крупной отрасли хозяйства, но и производство по отдельным даже мелким культурам. Указывают, каких размеров оно достигает в пределах отдельных районов, губерний и т. д. В точной количественной форме указывают, каковы будут товарные избытки различных отраслей хозяйства, каковы будут размеры экспорта, каков будет уровень цен, потребление, национальный доход, прибыли и задолженность предприятий и т. д. Иначе говоря, мы идем в планах, как правило, по наиболее трудному и сложному пути предвидения.

При этом проектируется на длительный срок, также в дробно-количественной форме, и система необходимых мероприятий. При этом достаточного анализа, что эту систему мероприятий можно осуществить, что, будучи осуществлена, эта система даст именно ожидаемый результат — в большинстве случаев нет.

Если теперь принять во внимание это недостаточно критическое отношение ко всем указанным проблемам предвидения и построения перспектив и поставить вопрос, имеются ли в таком случае серьезные основания для предлагаемого предвидения и выдвигаемых планом перспектив в каждом отдельном случае, то нужно прямо сказать, что в большинстве случаев таких оснований не окажется.

Для иллюстрации только что изложенного остановимся кратко на двух конкретных примерах. В качестве первого примера возьмем перспективные построения Сибкрайземуправления по отношению к сельскому хозяйству Сибири.

Сибкрайземуправление разработало и в 1926 г. опубликовало под общим заглавием «Сельское хозяйство Сибирского Края» два больших тома. В первом томе «Материалы к перспективному плану» оно дало довольно ценную систематизацию статистико-экономических материалов по сельскому хозяйству края. Во втором томе — «Перспективный план» — оно попыталось обрисовать перспективы развития сельского хозяйства края. Что же мы находим в этом втором томе? Сибкрайземуправление исходит как из основной задачи — из задачи радикального изменения системы сельского хозяйства края и перехода его от залежной и парозалежной системы к системе травопольной со всеми вытекающими отсюда последствиями в смысле реорганизации животноводства. Оно полагает, что проектируемое коренное изменение может быть осуществлено в период «Примерно в течение 25-летнего периода». Отправляясь от этого положения, оно, далее, строит схемы или модели организации травопольною осуществляющегося, примерно, через 25 лет хозяйства,

типичного для каждого из 8-ми районов края. При этом для каждого такого типа будущего хозяйства дается в точной количественной форме характеристика организации полеводства и луговодства с указанием возможных урожаев, организации животноводства с указанием кормовых норм и продуктивности скота, организации удобрения, рабочей силы, основного и оборотного капитала, организации транспорта, размеров валовой продукции (по условным ценам), товарности хозяйства, расходов и доходности его и т. д. На основе расчетов относительно этих типов — моделей хозяйства по тем же, примерно, рубрикам, дается, далее, сводный баланс по всей массе хозяйств края.

В заключение дается характеристика системы проектируемых мероприятий в области организации земельной территории, переработки сельскохозяйственного сырья, кооперирования и сельскохозяйственного кредита, в области агрикультурных мероприятий и сельскохозяйственного образования.

Нет никакого сомнения, что Сибкрайземуправлением проделана огромная работа. Но что дают его перспективные построения? Если его организационно-балансовые построения в крайне дробной количественной форме как в отношении типичного хозяйства будущего по каждому району, так и по всему краю в целом рассматриваются как желательный возможный и, при условии осуществления намеченных мероприятий, вероятный баланс и организационный тип сельского хозяйства Сибири примерно через 25 лет, то этот баланс лишен всякой реальности. Он построен на основе условных цен, на основе условных норм, на основе принятых, но не мотивированных урожаев и т. д. Как форма предвидения перспектив на столь отдаленный срок он не дает ничего. Ни анализ положения сельского хозяйства в прошлом, ни характеристика системы намеченных мероприятий ни в какой степени не доказывают и не обосновывают, что намеченная реорганизация хозяйства будет осуществлена, что в итоге ее осуществления получится примерно именно запроецированная продукция и товарность хозяйства, что продукция эта, если она будет иметь место, найдет рынок внутренний и мировой, что доходность хозяйства будет примерно та, которая указана и т. д. Можно сказать, что в плане даже нет подхода к обоснованному ответу на эти вопросы.

Если же построения плана рассматривать просто как метод доказательства необходимости и целесообразности перехода к травополью, то совершенно ясно, что, во-первых, для этого были не нужны столь обширные и головоломные исчисления об организации хозяйства и его балансе, во-вторых, эти исчисления сами по себе совершенно не убеждают в необходимости и в возможности повсеместного перехода Сибирского края к травопольной системе. Путь основания этого лежал бы в плоскости более глубокого анализа фактической эволюции сельского хозяйства Сибири, в анализе общих перспектив рынка, промышленности по переработке, путей сообщения и т. д. Но именно этого в достаточной степени не дано в работе Сибкрайземуправления и именно эти соображения привели, например, Земплан НКЗ РСФСР к выводу, что намеченная планом задача всеобщего перехода сибирского сельского хозяйства к травополью не реальна.

Таким образом, ясно, что, несмотря на концентрацию ценных фактических материалов, несмотря на огромную работу Управления, значительная часть этой работы не оправдывает себя. И она не оправдывает себя именно в тех частях, где в отношении построения перспектив и предвидения будущего был принят неправильный и непосильный метод как в отношении сроков, так и в отношении детальности расчетов и форм предвосхищения будущего. Земуправление поступило бы правильнее, если бы, поставив и обосновав общую задачу о реорганизации сельского хозяйства на основе травопольной системы, показало бы путем углубленного

анализа, каковы реальные пределы, возможности и методы такой реорганизации в более близком будущем.

Другой пример возьмем из области более общих плановых построений. Мы имеем в виду опыт С. Г. Струмилина, опубликованный им под именем «Перспективная ориентировка Госплана»².

С. Г. Струмилин строит ориентировку в однозначно-количественной форме, но на более короткий 5-летний срок. При этом он прекрасно понимает, что при построении ее речь идет в той или иной степени именно о предвидении³. Правда, он говорит, что предлагаемая пятилетняя ориентировка представляет из себя систематическую сводку не только наших предвидений, но и предужазаний⁴. Однако предужазания эти или директивы, как мы показали выше, не могут быть произвольными. Реальные предужазания могут быть выдвинуты на основе не только наших отдаленных руководящих задач, но и на основе понимания тенденций действительности, а также понимания пределов и эффекта наших усилий, т. е. опять-таки на известном предвидении. Итак, С. Г. Струмилин прекрасно понимает, что при построении перспективной ориентировки приходится разрешать проблему предвидения. Как же он ставит задачи своей работы?

«Своей задачей, пишет С. Г. Струмилин, мы считаем дать на первый раз лишь общую перспективную ориентировку, т. е. лишь наиболее суммарные «контрольные» цифры темпов развертывания всего народного хозяйства в целом, руководствуясь которыми специальные плановые органы получили бы возможность более уверенно развернуть перспективные планы отдельных районов или отраслей хозяйства без риска, что эти планы не смогут быть увязаны затем между собой в общем перспективном балансе всего хозяйства страны»⁵.

Что же мы находим в этой «суммарной ориентировке»? Здесь мы находим цифровой расчет на пятилетие (до 1929/30 г. включительно)⁶: 1) по промышленности погодно: изменение основных ее капиталов, капитальных вложений, продукции, прибылей, себестоимости, числа рабочих, производительности труда, номинально-заработной платы; 2) по сельскому хозяйству в итоге за 5 лет: изменение посевных площадей по группам культур, количества скота в переводе на крупный, валовой продукции сельского хозяйства по основным отраслям в довоенных ценах, товарной части его продукции по тем же отраслям в довоенных ценах, экспорта, вложений (погодно) по линии совхозов, ирригационных и мелиоративных работ; 3) по транспорту погодно: изменение имущества железных дорог, капитальных вложений эксплуатационного дохода и расхода, амортизации прибылей, направления и объема восстановительных работ, погрузки (в 5-ти вариантах), персонала, заработной платы, производительности труда; 4) по жилищному строительству погодно: изменение государственного и муниципального основного капитала в жилищах, капитальных вложений, амортизации, прибыли, изменение примерно тех же элементов по коммунальному строительству и по электростроительству; 5) по товарообороту погодно: изменение оборота сельского хозяйства, промышленных и всех товаров в червонной валюте, изменение имущества госпромышленности, ее оборота, ее оборотных средств (с подразделением их на материалы и полуфабрикаты, готовые изделия, денежные средства), ее задолженности, числа оборотов оборотных средств, изменение примерно тех же элементов в отношении транспорта и торговых предприятий (с подразделением

² См. Плановое хозяйство за 1926 г., № 4 и 5.

³ См. Плановое хозяйство за 1926 г., № 4, с. 82.

⁴ Ibid.

⁵ См. там же, с. 31—32.

⁶ При перечне мы исключаем некоторые детали.

последних по некоторым вопросам на государственные, кооперативные и частные); б) по кредитным ресурсам и резервам погодно: изменение в государственной кредитной системе оборотных фондов (с подразделением их на валютные и товарные), операционных фондов по пассиву (с подразделением их на эмиссионные средства и на средства собственные) и изменение прибылей; 7) по накоплению в государственном хозяйстве погодно: изменение накопления (прибыль + амортизация) в общей сумме и с подразделением по отраслям хозяйства (накопление в промышленности, в транспорте, в сфере жилищного строительства, в банках, в торговле, в коммунальных предприятиях и электрификации); 8) по бюджету погодно: изменение поступления неналоговых и налоговых доходов (с подразделениями их по основным рубрикам), изменение чрезвычайных доходов и общей суммы доходов, изменение расходов по важнейшим подразделениям и в целом.

Из приведенного перечня видно, что так называемая «суммарная ориентировка» по существу, охватывает все основные элементы народного хозяйства и притом иногда с довольно дробным подразделением.

По существу мы имеем перед собой до известной степени опыт построения перспективных балансов всего народного хозяйства на ближайшие пять лет. Можно, конечно, в детализации их построения пойти еще дальше и говорить, например, не о всей промышленности, а об отдельных ее отраслях, не о всей банковской системе, а об отдельных ее частях, крупных банках и т. д. Но позволительно поставить вопрос, имеются ли объективные основания для построения перспектив вообще в той форме, как это сделано? В приведенном построении по существу (с теми или иными оговорками, которые встречаются изредка в тексте, но из которых, однако, не делается никаких ограничивающих выводов на деле) на одну доску поставлены предсказания в отношении натуральных элементов продукции, с одной стороны, и движения прибыли, оборачиваемости товаров, эмиссии и т. д.— с другой. Эти элементы по существу своему достаточно различны.

Между тем относительно всех их без всяких ограничений ведется расчет на будущее. Но лежат ли за этими расчетами какие-либо основания и какие именно? С. Г. Струмилин об этом ничего не говорит. Он попросту сообщает, какие будут обороты, прибыли и т. д. в течение ближайших пяти лет. Но, ведь, позволительно, законно и даже необходимо было бы разобраться в обоснованности этого расчета.

Так, С. Г. Струмилин исчисляет будущие прибыли промышленных предприятий. Но зависят эти прибыли в сфере промышленности от динамики соотношения цен на промышленные и др. товары или нет? Едва ли кто ответит на этот вопрос отрицательно. Что же описанное построение дает в смысле прогноза на движение цен? Все, что мы находим по этому поводу, это — 9 строчек, в которых говорится⁷, что прогнозы в области динамики цен на несколько лет вперед чрезвычайно проблематичны, что автор считает существующий уровень хлебных цен по сравнению с ценами промтоваров еще недостаточно высоким и ожидает их дальнейшего повышения примерно на 10%, что, наоборот, уровень цен сельскохозяйственного сырья он считает целесообразным снизить процентов на 5—10, но что, в общем, нужно стремиться к стабилизации существующего среднего уровня сельскохозяйственных цен. Вот и все. Не будем говорить о том, что, можно сказать, не успела еще высохнуть типографская краска на страницах «Планового хозяйства» № 4, как в отношении цен сельскохозяйственного сырья жизнь уже поставила вопрос в совершенно иную, обратную, чем думал автор, плоскость, показав, что по сравнению с ценами промтоваров низки не столько хлебные цены,

⁷ См. Плановое хозяйство за 1926 г., № 4, с. 42.

сколько цены именно сельскохозяйственного сырья и что снижать их нет никакой возможности.

Не будем говорить и о том, что вместе с тем жизнь показала, что и хлебные цены в потребляющих районах слишком высоки, и поставила вопрос об их снижении. Укажем на то, что девять строчек С. Г. Струмилина о ценах совершенно неопределенны. Они ничего не говорят о динамике общего уровня цен, они ничего не говорят о динамике соотношения цен сельскохозяйственных и промышленных товаров. Они ничего не говорят о динамике соотношения отпускных и розничных цен. Мы даже совершенно не знаем, из какого же уровня и соотношения цен исходил автор при своих построениях, которые, как уже было указано, предполагают тот или иной уровень цен и то или иное соотношение между ними.

Какое значение имеет отсутствие ответов на эти вопросы? Мы полагаем, что оно имеет первостепенное значение для доброкачественности всего построения. Действительно, при одном соотношении отпускных, оптовых, и розничных цен прибыли промышленности, государственной торговли и кооперации будут одни, а при других — существенно иные. Так как С. Г. Струмилин не знает, какое будет это соотношение цен, то он должен был бы чистосердечно признать, что ему неизвестны и прибыли различных отраслей промышленности, торговли и кооперации. Но если ему неизвестны эти прибыли, то он, в сущности, ничего не сможет сказать определенного и об их накоплении. Между тем в приведенном перечне перспективных построений автора было указано, что и в отношении накопления он исчисляет определенные цифры. Если же он не может сказать что-либо определенное о накоплении, то не может он сказать, то, что сказал и о вложениях средств, а следовательно, и об объеме реконструкции в различных отраслях государственного хозяйства.

С другой стороны, при одном уровне и соотношении цен потребление товаров и оборот их будет один, а при других — другой. Так как С. Г. Струмилин об уровне цен и их соотношении ничего сказать не может, то, по существу, он не может сколько-нибудь определенно на 5 лет вперед сказать и о размерах товарооборота в ценностном выражении, ничего определенного он не может сказать и о размерах государственных доходов — скажем, от акцизов, от обложения торговых оборотов и т. д. Следовательно, лишается оснований и его построение о движении государственного бюджета, особенно в отношении его мелких подразделений.

Далее, раз лишаются определенности построения С. Г. Струмилина по отношению к товарному обороту, раз он ничего не может сказать относительно общего уровня цен, то, по существу, он ничего не может сказать и относительно динамики эмиссии. Но он говорит об этом. Тем хуже для него, потому что то, что он говорит, лишено всякого основания. Он, например, предполагает, что эмиссия в 1925—1926 г. (заметим, что работа С. Г. Струмилина появилась уже в половине 1925—1926 г.) составит 470 млн. руб., что в 1926—1927 г. она составит 475 млн. руб., что в каждый следующий год она будет равна 470 млн. руб. Мы не знаем, какова она будет в точном цифровом выражении после 1926—1927 г. Но мы вполне определенно знаем, что за 1925—1926 г. от 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. она составила не 470 млн. руб., как предполагает С. Г. Струмилин, а всего 200,2 млн. руб. Допуская, далее, что у нас не будет инфляции денежного обращения и резкого падения покупательной силы валюты (мы думаем, что такую же перспективу имеет в виду и С. Г. Струмилин), мы можем уверенно сказать, что и за 1926—1927 г. эмиссия возрастет не на 470 млн. руб., а не более чем приблизительно на 140 млн. руб. Отсюда хорошо видно, насколько основательно пред-

положения С. Г. Струмилина в сфере денежно-кредитного обращения, хорошо видно, насколько основательны они даже не на 5 лет вперед, а хотя бы на 1925—1926 гг., о котором С. Г. Струмилинин строил предположения, когда половина этого года уже истекла.

Далее, если С. Г. Струмилинин ничего не может определенного сказать о размерах накопления и объеме технических реконструкций, то он ничего определенного не может, в сущности, сказать и о движении производительности промышленного" труда, так как производительность труда у нас в настоящее время и в ближайшем будущем в сильнейшей степени зависит именно от технической реорганизации промышленности. Не будучи же в состоянии ничего количественно определенного сказать о движении производительности труда, не будучи в состоянии правильно предвидеть движение цен на сырье, он не имел никаких серьезных оснований рисовать в количественном выражении и кривую движения себестоимости промышленной продукции.

Не будем усложнять разбор построения С. Г. Струмилина другими доводами. Сказанного достаточно. Большинство расчетов С. Г. Струмилина, при всей их кажущейся внушительности, построены на самом настоящем и зыбучем песке. И если бы даже, вопреки ожиданиям, его расчеты оказались близкими к действительности, то это было бы простой случайностью, а не результатом обоснованного прогноза.

Совершенно ясно, что с этой стороны задача построения перспектив здесь была поставлена недостаточно критически. Здесь не было соблюдено чувство меры в том, что мы можем и чего не можем предусмотреть в будущем. Поэтому позволительно усомниться и в основательности цитированных выше слов С. Г. Струмилина, будто он дает такие контрольные цифры, «руководствуясь которыми специальные плановые органы получили бы возможность более уверенно развернуть перспективные планы отдельных районов или отраслей хозяйства без риска, что эти планы не смогут быть увязаны затем между собой в общем перспективном балансе всего хозяйства страны».

О какой увязке идет здесь речь? Если речь идет об арифметической увязке, то, конечно, плановые органы смогут при желании многому научиться из работы С. Г. Струмилина. Но если речь идет о реально-экономической увязке, то мы бы от столь решительного положительного суждения предпочли решительно воздержаться.

Рассмотрение двух взятых примеров — а число их могло бы быть при желании очень и очень увеличено — подтверждает правильность тех утверждений и сомнений, с которых мы начали настоящий раздел статьи. Наши претензии рисовать в точном количественном выражении будущее движение различных элементов хозяйства без достаточного учета природы этих элементов, без достаточного внимания к срокам предвидения и к экономическому обоснованию перспектив сплошь и рядом абсолютно превосходят наши объективные возможности и приводят к совершенно иллюзорным, необоснованным и ошибочным построениям.

К сожалению, за последнее время многим кажется, что наши неудачи в области построения планов и предвидения объясняются не тем, что мы покушаемся на их построение с негодными средствами, не тем, что мы находимся под гипнозом цифр и арифметики, а тем, что мы еще недостаточно полно охватываем в количественных выражениях все элементы народного хозяйства, недостаточно увязываем все их между собой, недостаточно пользуемся балансовым методом построения плановых перспектив.

Указывают, что нельзя брать отдельные элементы и отрасли хозяйства или их отдельные группы и строить прогноз и перспективы относительно их. Нужно брать все эти элементы в их взаимной связи, нужно брать народное хозяйство в целом и подходить к нему с расчлененным

балансовым методом. Тогда мы, полагают, легче сможем с достаточной точностью нарисовать возможные перспективы изменения как всего хозяйства, так и каждого его элемента в связи с другими элементами. Думают, что спасение лежит в балансовом методе. Мы согласны с тем, что необходимо рассматривать каждый хозяйственный феномен в той или иной связи его с другими феноменами. Иначе и быть не может. Но мы не согласны с тем, что балансовый метод гарантирует нам достаточно точный прогноз и, следовательно, подведет достаточный фундамент под наше детализированное, количественное выражение перспектив наших планов на длительные сроки. С. Г. Струмилин пользовался, как будто, тоже методом балансовым или методом, очень близким к нему. Однако это ему не особенно помогло. Да и, по существу, что дает нам балансовый метод? Балансовый метод позволяет нам приблизительно установить фактический баланс народного хозяйства в тот или иной момент прошлого. Выражаясь символически, он дает нам возможность установить в количественном выражении и в их взаимной связи элементы народного хозяйства А, В, С..., Х, как они существуют фактически в тот или иной прошедший период времени. Но, установив эти элементы и их связь между собой в этот прошлый период, можем ли мы, опираясь на установленный баланс народного хозяйства, перейти к будущему времени и определить эти элементы в их взаимной связи в будущем, т. е. построить вероятный баланс будущего? Допустим, что мы ищем количественное выражение в более или менее отдаленном будущем для элемента Х. Конечно, если бы все другие элементы народного хозяйства, т. е. А, В, С, и т. д., а также их связь между собою и с элементом Х на будущее время была нам известна, то мы, пользуясь балансовым методом, могли бы точно установить элемент Х на это будущее время. Но в том-то и дело, что этих элементов А, В, С и т. д. и их связи между собою и с элементами Х на будущее время мы не знаем. А раз мы их не знаем, то в сущности говоря, балансовый метод не в состоянии дать нам что-либо для количественного выражения элемента Х на это будущее время. Это рассуждение можно применить к любому элементу народного хозяйства, а не только к элементу Х. В таком случае ясно, что сам по себе балансовый метод нисколько не увеличивает наших возможностей прогноза как для любого элемента, так и для всего народного хозяйства. Для того чтобы эту возможность иметь, мы должны были бы знать законы изменения во времени для элементов А, В, С и т. д. Мы должны были бы также знать законы изменения связи между этими элементами. Только тогда мы могли бы, отправляясь от существующего баланса народного хозяйства, построить вероятный баланс его на будущее время и вместе с тем определить количественное выражение любого элемента народного хозяйства на это будущее время. Но именно знанием этих законов изменения элементов и связи их мы в достаточной степени не обладаем.

Таким образом, выставленное выше положение об отсутствии достаточных оснований под очень многими расчетами наших планов, об отсутствии соответствия между тем, что мы можем говорить о будущем, и тем, что мы действительно о нем говорим, остается в полной силе. И балансовый метод при неосторожном применении его к прогнозу на будущее означает еще большую детализацию наших построений, еще больший фетишизм цифр и переоценку наших возможностей.

Было бы, однако, абсолютно неправильно заключить, что изложенные критические соображения направлены против построения планов вообще и против всяких количественных расчетов при построении плановых перспектив. Они направлены лишь против ошибок при построении планов, как мы понимаем эти ошибки.

Они направлены не против планов, а против плохих планов. И из них

вытекает ряд выводов методологического, а частью педагогического характера в отношении построения планов.

7.

Прежде чем перейти к выводам, для большей ясности их остановимся еще на одном важном вопросе. Против изложенной выше характеристики существующего у нас безотчетного увлечения механическим детальным цифровым расчетом перспектив и против критики этого увлечения могут указать и обычно указывают, что она идет все же слишком далеко. В качестве аргумента в пользу такого утверждения указывают, что к цифровым расчетам будущего прибегают даже частные предприятия, тресты и синдикаты, когда начинают крупное строительство, к ним прибегает капиталистическое государство, когда приступает к крупным сооружениям, например, к сооружению железных дорог, портов, электрических станций и т. д. или когда намечает линии экономической политики. Но если это так, то тем более к таким расчетам должно прибегать наше государство, строящее все хозяйство на плановых основах.

Да, частные предприятия и капиталистическое государство в упомянутых случаях прибегают к известным расчетам на будущее. Но нужно отдать себе отчет, к каким расчетам они прибегают и в какой форме их делают, чтобы сослаться на этот аргумент. Рассмотрим отдельно, с одной стороны, пример предвидения и расчетов на будущее при производстве крупных сооружений, с другой — пример предвидения при выяснении линий экономической политики в условиях частного капитализма. В качестве примера расчетов первого типа разберем случай с постройкой железных дорог.

При решении вопроса о возможности и целесообразности постройки дороги делаются предварительные изыскания. Производится статистико-экономическое изучение положения и развития хозяйства и грузооборота района строительства дороги за прошлое. Изучение это производится в целях выяснения, можно ли ожидать, что грузооборот в этом районе по его условиям окажется достаточно устойчивым и массовым. При этом стараются определить — на какой, по меньшей мере, вероятный грузооборот в количественном выражении можно рассчитывать в будущем при средне-нормальных условиях; каковы при таких условиях будут, примерно, расходы и доходы дороги и окажется ли она рентабельной. Но при этом вовсе нет речи о точном количественном выражении будущего погодного движения всех элементов хозяйства района, грузооборота, прибылей дороги и т. д.

Все указанные расчеты ведутся под углом зрения и в целях выяснения одного — рентабельна дорога или нет и потому следует ее (с экономической точки зрения) строить или нет.

Интересно посмотреть, каков эффект таких расчетов? В работе А. Н. Антошина сделано сопоставление таких расчетов с действительностью по ряду дорог⁸. Возьмем для примера основные данные, относящиеся к дороге Киев — Полтава, открытой 2 декабря 1901 г.

Отсюда прежде всего ясно, что по типу построения предположения здесь (как и по другим) не приурочены к какому-либо определенному году и не рассчитаны в динамической форме на ряд определенных лет. Предположения эти построены в среднем в расчете на данные нормальные условия без претензий предвидеть динамику самих этих условий и динамику искомых величин. По существу же приведенное сопоставление, далее, показывает, что предположения, несмотря на ограниченность их претензий, все же очень резко отклоняются от действительности.

⁸ См. А. Н. Антошин. Исчисление грузооборота и доходности вновь проектируемых железных дорог и действительные результаты по некоторым из них. Издание Политехнического Института 1913 г.

	Предполо- жения	Фактиче- ские данные за 1903 г.	Предполо- жения в % к фактиче- ским данным
Грузооборот:			
в тыс. пуд.	39 091	64 766	60,4
в млн. пудо-верст	8 834	14 204	62,7
Выручка по товарному и пас- сажирскому движению (в тыс. руб.)	2 103	3 229	65,1
Весь валовой доход (в тыс. руб.)	2 219	3 313	67,0
Расходы эксплуатации (в тыс. руб.):			
зависящие от движения	530	1 277	41,5
независящие от движения	820	1 007	81,4
Итого расходов	1 350	2 284	59,1
Чистый доход (в тыс. руб.)	869	1 029	84,5

В качестве фактических данных автором взяты данные 1903 г., исходя из соображений, что этот год является годом более или менее нормальным и не отмечен теми или иными пертурбационными событиями⁹. Впрочем, в работе имеются некоторые материалы для сопоставления предположений с фактами действительности и по другим годам. Итог этого сопоставления получается тот же и обнаруживает резкое отклонение предположений от действительности.

Если взять теперь для сопоставления не только приведенные общие величины грузооборота, а данные по грузообороту более дробного порядка, то получится следующая картина.

Отсюда видно, что предположения о перевозке отдельных товаров и их групп отклоняются от действительности, за исключением некоторых случаев, как правило, еще более значительно, чем предположения по всему грузообороту. В общем, те же выводы получаются и при рассмотрении данных по другим дорогам.

Таким образом, несмотря на скромность претензий предвидения при проектировании дорог, предвидение это чрезвычайно уклоняется от действительности. Но если учесть, что при построении его имелось, в сущности, в виду не столько предугадать динамику действительности, сколько предугадать, обеспечен ли известный минимум грузооборота, при котором проектируемая дорога может экономически оправдать себя, то это далекое от точности предвидение, не отвечая первому требованию, можно думать, более или менее удовлетворило второму более скромному требованию. В силу этого оно выполняло свою практическую функцию, давало известные основания для решения вопроса — строить или не строить дорогу. Интересно отметить, что из 6 рассмотренных А. Н. Антошиным дорог в 5 случаях предположения ниже и, как правило, значительно ниже действительных величин. Это подтверждает ту мысль, что при построении приведенных и подобных предположений было стремление не столько детально предвидеть факты действительности, сколько предвидеть одно — возможна ли рентабельная работа дороги. Именно в связи с этим можно понять, почему расчеты на будущее ведутся здесь весьма осторожно с известной гарантией от преувеличений, с тенденцией выяснить, гарантирует ли действительность именно известный минимум перевозок и выручки, чтобы решиться на постройку дороги.

⁹ См. там же, с. 26.

Категория грузов	Предположительная и фактическая перевозка грузов		
	предположительная	фактическая в 1903 г.	предположительная в % к фактической
I. Грузы отправления, всего (в тыс. пуд.)	7 410	9 006	81,7
В том числе:			
хлеб и мука (в тыс. пуд.)	6 100	5 528	110,3
отруби »	—	114	—
масляные семена »	200	—	—
свекловича »	—	1 628	—
живой скот (в тыс. шт.)	5,5	13,4	41,0
доски, бревна, шпалы и т. п.	—	147	—
II. Грузы местного движения (в тыс. пуд.)	750	3 124	24,0
III. Грузы прибытия, всего (в тыс. пуд.)	5 000	5 855	85,4
В том числе:			
камень строительный (в тыс. пуд.)	1 500	890	168,5
алебастр и известь (в тыс. пуд.)	350	204	171,6
мел и цемент (в тыс. пуд.)	—	104	—
каменный уголь »	950	2 062	46,1
соль »	510	289	176,5
сахар »	100	76	131,6
лесные материалы »	1 000	916	109,2
керосин »	70	141	49,6
мануфактура »	40	21	190,5

Итак, приступая к крупным сооружениям, капиталистические государства прибегают к расчетам на будущее. Но эти расчеты неизмеримо скромнее, чем расчеты, практикуемые в наших планах. Эти расчеты проникнуты стремлением удовлетворить действительную узкую практическую потребность в деле строительства и совершенно не задаются целью дать погодную динамику на длительный период всего комплекса элементов хозяйства соответствующей полосы.

Разобранный случай расчетов на будущее при крупных сооружениях в условиях частично-капиталистического режима можно считать типичным. Это не значит, что при этом режиме не было случаев более сложных расчетов. Но все эти случаи будут усложнением в степени, а не в типе построений.

Рассмотрим теперь другой тип предвидения отдаленного будущего, тип, который иногда встречается в частично-капиталистических странах при выяснении линий экономической политики. Возьмем в качестве примера построения группы экономистов, работающих в Департаменте Земледелия Соединенных Штатов Северной Америки¹⁰.

В своей работе авторы заглядывают в отдаленное будущее сельского хозяйства Соединенных Штатов, перспектив, и их сельскохозяйственной продукции и снабжения страны сельскохозяйственными продуктами. Ход построений их таков.

Учитывая коэффициент прироста народонаселения Соединенных Штатов за последнее время (с учетом значения иммиграции) и экстраполируя

¹⁰ The Utilisation of Our Lands for Crops, Pasture and Forests by L. C. Grau, O. E. Baker, F. S. Marschner and B. O. Weiz (Agriculture Yearbook. Un. St. Department of Agriculture, 1923).

по этим коэффициентам количество населения на будущее, они получают, что к 1950 г. население страны определится цифрой около 150 млн. человек. Если бы потребление населения, а также производительность акра посевной площади, пастбищ и леса остались к этому времени прежними, если бы страна не вывозила и не ввозила сельскохозяйственные продукты, то для снабжения этого населения продуктами питания и лесным материалом потребовалось бы следующее количество земли:

Пашня	481 млн. акров
Незасушливые пастбища	336 »
Полузасушливые пастбища	587 »
Лесные пастбища	237 »
Лес	1 465 »
<hr/>	
Итого	3 056 млн. акров
Двойной учет земель, пригодных для пастбищ и произрастания леса	237 »
Итого за вычетом двойного учета потребной земли	2 819 млн. акров

Общая площадь Соединенных Штатов в настоящее время составляет 1903 млн. акров, т. е. значительно меньше, чем указанное потребное количество земли. Из этих 1903 млн. акров под пашней, пастбищами и лесом находится 1666 млн. акров, остальные 237 млн. акров падают на неудобную и др. земли, не находящиеся в сельскохозяйственном пользовании. Причем из 237 этих млн. акров около 103 млн. акров могло бы быть использовано в сельском и лесном хозяйстве. Таким образом, в сельскохозяйственном и лесном использовании всего может быть около 1769 млн. акров.

Находящаяся уже в сельскохозяйственном использовании земля распределяется в настоящее время по угольям так:

Пашня	365 млн. акров
Пастбища незасушливых районов	231 »
Пастбища засушливых и полузасушливых районов	587 »
Лес	483 »
<hr/>	
Итого	1 666 млн. акров

Из сказанного ясно, что при существующей продуктивности земли, при существующих нормах потребления и экспорта к 1950 г. Соединенные Штаты были бы совершенно не в состоянии обеспечить себя основными предметами питания и лесными продуктами.

Авторы при этом показывают, что земли, физически способной стать пашней, в Соединенных Штатах имеется около 973 млн. акров, т. е. значительно больше, чем требуется к 1950 г. Но вся эта земля могла бы стать пашней лишь при условии, с одной стороны, производства очень значительных и дорогих мелиораций, с другой — при условии крайнего сокращения пастбищной и лесной земли, что было бы совершенно недопустимо.

Таким образом, в перспективе как будто вырисовывается угроза недостатка земли. В связи с этим они анализируют динамику симптомов намечающегося недостатка земли в Соединенных Штатах, а именно: сокращение количества обрабатываемой земли на душу сельскохозяйственного населения, сокращение земли под пастбищами, рост цен на землю. Далее они анализируют природу надвигающегося (при прочих равных условиях) недостатка земли и те факторы, которые порождают и

обостряют его. Они показывают, что это явление недостатка земли глубоко относительно и связано с низкой производительностью земли в Соединенных Штатах (пахотной, пастбищной и лесной) по сравнению, например, с европейскими странами, с экспансией продукции для экспорта, с хищническим использованием лесных богатств, с чрезвычайно высокими нормами потребления, особенно животноводческих продуктов.

Исходя из этого чрезвычайно интересного анализа, авторы приходят к заключению, что разрешение проблемы снабжения Соединенных Штатов продуктами сельского и лесного хозяйства при возрастании населения лежит по линии не только вовлечения неиспользованных земель в процесс использования, поскольку это можно сделать сравнительно без больших затрат, но и в повышении производительности земли, в частичном понижении и видоизменении норм потребления (при условии, что они останутся вполне достаточными), в перераспределении земельных угодий и в сокращении сельскохозяйственного экспорта.

На основании этих заключений они строят следующие варианты необходимой к 1950 г. земли и распределения ее по угодиям в зависимости от изменения производительности земли и норм потребления.

Угодья	I вариант: производительность земли и нормы потребления не изменяются	II вариант: нормы потребления сохраняются, но производительность земли достигает европейского уровня	III вариант: производительность земли остается прежней, но нормы потребления сокращаются до европейского (примерно до германского довоенного) уровня
Пашня	431	270	394
Незасушливые пастбища	336	121	215
Полузасушливые пастбища	587	587	587
Лесные пастбища	237	237	237
Лес	1 465	636	169
Итого:	3 056	1 851	1 602
Итого, исключая двойной счет лесных пастбищ и леса	2 819	1 614	1 433

В заключение авторы анализируют реальные возможности в области повышения производительности земли, видоизменения и сокращения потребления и сокращения экспорта в течение ближайших десятилетий. Признавая, что повышение производительности и понижение потребления произойдет, но в меньшей степени, чем это было принято при предыдущем расчете, принимая, что экспорт не прекратится, а лишь резко, не менее чем вдвое, сократится, они приходят к следующему заключению о наиболее вероятном количестве необходимой земли и ее распределении при возросшем населении к 1950 г.

Отсюда ясно, что при реализации принятого вероятного изменения производительности земли, сокращении норм потребления и экспорта Соединенные Штаты могли бы обеспечить снабжение возросшего населения.

Угодия	Существующее положение	Вероятное и желательное положение
	в миллионах акров	
Пашня	365	403
Незасушливые пастбища	231	233
Пастбища полужасушливые	587	587
Лес	483	496
Вновь вовлекаемая земля из состава неиспользуемых 103 млн. акров	—	53
Итого:	1 666	1 719

Несомненно, что в этой кратко изложенной здесь работе трактуется чрезвычайно важная проблема развития сельского хозяйства Соединенных Штатов в длительной перспективе будущего. Нельзя сказать, чтобы работа эта не давала ориентации для направления практической экономической политики страны в области сельского хозяйства. Авторы, как мы видим, прибегают и" к предвидению. Но предвидение это ограничено у них по существу лишь вопросами о движении народонаселения, вероятного повышения производительности земли, видоизменения потребления и сокращения сельскохозяйственного экспорта. Предвидение это сделано в суммарной форме. И хотя оно выражено в этих частях количественно, но ясно, что центр тяжести его лежит, по точному смыслу текста, не в цифровом расчете, а в указании основных тенденций развития сельского хозяйства и желательного направления мероприятий политики. Количественно выражение возможного прироста производительности земли и видоизменения потребления имеет значение лишь для общей ориентации в масштабах предстоящей работы.

Таковы примеры количественных расчетов на будущее в условиях частного капитализма. Ясно, что они имеют неизмеримо менее сложный характер, чем наши плановые построения. Они менее детальны, в меньшей степени выражаются в точных цифрах и относительно большее внимание уделяют экономическому анализу сущности проблем.

Мы отдаем себе полный отчет в том, что наше государство, руководящее значительным сектором всего народного хозяйства и ставящее своей задачей глубокое воздействие на остальной сектор его, стоит перед более сложными проблемами, чем частный предприниматель или капиталистическое государство. Оно нуждается поэтому и в более объемлющих и широких перспективных построениях. Но из этого не вытекает, что оно на практике нуждается в детальных цифровых расчетах динамики всего комплекса элементов народного хозяйства на длительный срок вперед. Из этого не вытекает, что оно нуждается в таких расчетах даже и в том случае, если эти расчеты заведомо не обоснованы. Из этого вытекает лишь, что при построении наших планов мы должны учесть своеобразие и большую сложность запросов государства, и должны удовлетворить эти практические запросы государства, в полной мере используя наши возможности, но не впадая в самообман и потому не превосходя их.

8.

Перейдем к выводам, вытекающим из всего изложенного выше. Первый и наиболее общий наш вывод таков. Один из основных дефектов построения наших планов состоит в том, что слишком мно-

гие части этих планов и их предположения относительно- будущего не только не обоснованы, но при данном состоянии знания не могут быть обоснованными, далеко выходя за пределы возможностей нашего проникновения в вероятное будущее, и потому являются произвольными.

Если мы хотим иметь серьезно обоснованные планы, на которые можно опираться в практической работе, необходимо решительно отказаться от введения в них элементов и положений совершенно произвольного характера. Необходимо в качестве основного правила принять, что в планы вводятся лишь те проблемы и те элементы, относительно которых мы имеем объективные основания высказывать те или иные суждения практически достаточной вероятности и притом в такой форме, которая отвечает нашим возможностям учета будущего. Против этого могут сказать, что, если строить планы в соответствии с уровнем нашего знания и границами возможного предвидения, тогда придется отказаться от очень многих плановых построений, тогда планы станут менее полными и конкретными. Да, возможно и даже несомненно, что планы в части предположений на будущее станут значительно беднее и скромнее. Но мы не видим в этом ровно никакого ущерба. Одно из двух: или мы хотим иметь серьезные и реальные планы и в таком случае должны говорить в них лишь то, на что мы имеем известные научные основания; или мы будем продолжать заниматься всевозможными «смелыми» расчетами и выкладками на будущее без достаточных оснований, и тогда мы должны заранее примириться, что эти расчеты произвольны, что такие планы лишены реальности. Но какая цель и цена таких планов? В лучшем случае они останутся безвредными, потому что они мертвы для практики. В худшем — они будут вредными, потому что могут ввести практику в жестокие ошибки. Странно действительно думать, что можно помочь практике путем построения произвольных концепций.

Второй вывод, являющийся развитием и конкретизацией первого, таков. Так как наиболее спорными и наиболее произвольными в наших планах являются точные и детализированные количественные расчеты перспектив на длительное будущее, так как эти расчеты заняли в наших планах по существу центральное место, отнимают, по-видимому, максимум сил и способны легче всего ввести в заблуждение, то необходимо решительно пересмотреть значение, ограничить и видоизменить применение этого приема построения планов, категорически отказавшись от фетишизма цифр. В развитие этого положения в соответствии с требованием научной доброкачественности плановых построений нам кажется необходимым выдвинуть следующие правила.

Во-первых, необходимо отказаться от количественного выражения тех элементов, предвидеть изменение которых в количественной форме, по крайней мере на данной стадии нашего знания, мы вообще не можем. В таких случаях необходимо ограничиться указанием тенденций изменения соответствующих явлений.

Во-вторых, в тех случаях, когда явление допускает количественное выражение и доступно некоторому количественному предвидению, но лишь на короткий срок, необходимо отказаться от количественного выражения его перспектив на длительные сроки вперед, ограничиваясь на эти длительные сроки также лишь характеристикой общих тенденций его.

В-третьих, когда явление допускает известное количественное предвидение на относительно длительный срок, но лишь при условии отказа от дробления его на мелкие составные части, следует при проектировании перспектив на длительное будущее ограничиться рассмотрением явления в суммарном виде (например, в случае определения эволюции посевной площади всех зерновых хлебов или каждой даже мелкой зерновой культуры, в случае определения эволюции общей суммы бюджетных доходов или доходов по отдельным даже мелким статьям).

Таким образом, мы не высказываемся категорически против количественного выражения перспектив в перспективных планах. Мы высказываемся лишь за то, чтобы эти количественные выражения давались в том объеме и в той форме, на которые у нас в каждом данном случае имеются достаточно серьезные и практические удовлетворительные научные основания. Но несомненно, что в связи с предыдущими положениями значительная часть количественных расчетов из планов должна быть вообще исключена. Многие расчеты должны быть исключены из перспективных планов, составляемых по установившейся практике, на 5 и более лет, и должны найти место исключительно в операционных планах, где мы имеем дело с коротким годовым сроком, где мы практически имеем наибольшую нужду в определенной количественной характеристике перспектив, и где, несомненно, имеется больше возможностей для такой характеристики. В связи с этим мы сознательно идем на отказ от количественного определения сколько-нибудь дробного баланса народного хозяйства на длительный срок вперед.

Мы хорошо знаем, что эти выводы встретят горячие возражения. Многие думают, что цифровые выражения плановых перспектив и в том числе перспектив на длительное будущее являются центральной частью, так сказать, душой наших планов. Думают, что планы без обильных, порой красивых и импонирующих таблиц, в которых подсчитаны на длительное будущее сборы с десятины по каждой культуре, и продукция щетины, и сбор конского волоса, и цены на отдельные товары, и емкость рынка каждого товара на 5-летие вперед и т. д. не имеют значения и не удовлетворяют требования практики в наших условиях, где планирование хозяйства является центральной руководящей идеей экономической политики.

Что идея планирования является такой руководящей идеей — это мы хорошо знаем. Что планирование имеет у нас исключительно большое и ответственное значение — это мы тоже учитываем. С указания на это мы начали свою статью. Но именно исходя из этих идей мы возражаем не против планирования, а против плохих и иллюзорных планов, на основе которых практически нельзя строить планирование. Да, практика планирования нуждается в возможно более определенных и детальных количественных исчислениях перспектив. Но она нуждается не в произвольных исчислениях, а в исчислениях достаточно серьезных — это во-первых. Во-вторых, когда действительно практика нуждается в хороших и достаточно дробных количественных расчетах? В таких расчетах практика нуждается преимущественно в процессе текущего планирования, т. е. практика нуждается в них преимущественно тогда, когда имеет дело с оперативными планами. Но именно учитывая это, а также учитывая наши возможности предвидения, мы и утверждаем ниже, что наибольшее число количественных детальных расчетов должно найти место в оперативных планах. Нуждается ли, однако, практика планирования в детальных всеобъемлющих количественных расчетах, когда речь идет о длительных перспективах на 5-летие и более? Нуждается ли практика планирования действительно в том, чтобы в перспективных планах было подсчитано, какие будут цены на отдельные культуры через 5—10 лет, какова будет тогда урожайность этих культур с десятины, каков будет тогда же приток вкладов в банки и т. д. и т. д.? Конечно, было бы лучше знать все эти явления в их будущем количественном выражении. И конечно, если бы мы могли научно обоснованно сказать об этом, мы бы должны были это сделать. Но если мы сделать этого не можем, если мы можем лишь подменить такой научно обоснованный прогноз субъективными, идущими часто от темперамента предположениями, то какое значение они могут иметь для практики? Практика не только может, но и должна обойтись и обходиться без них. При этих условиях в отношении

длительных перспектив, как правило, практика прежде и больше всего нуждается не в таких субъективных количественных расчетах, не в точной цифровой характеристике будущего баланса народного хозяйства вообще, а в том, чтобы иметь серьезную и действительно обоснованную экономическую ориентацию в общих и основных линиях развития народного хозяйства. Она нуждается в ответах на такие вопросы, как: можно ли рассчитывать на высокую конъюнктуру сельскохозяйственного рынка и на рост сельскохозяйственного экспорта, или для этого имеются серьезные препятствия? Какая система мер требуется для устранения этих препятствий? Имеются ли предпосылки для интенсификации сельского хозяйства и в каком направлении она может идти? Каковы вероятные тенденции в состоянии перенаселения известных районов и т. д. И характерно, что наши планы, как правило, расщепляющие волос на четыре части по линии старательного использования арифмометра и по части исчислений, — какова будет арифметически продукция свинины через 5—10 лет в такой-то губернии, сколько пудов пшеницы тогда мы вывезем и т. д., в сущности почти совершенно не дают ответа на поставленные выше и подобные основные вопросы. Планы заполняют внимание по большей части ненужным цифровым избытком, совершенно не освещая основных проблем в перспективах нашего развития.

На это могут возразить. Хорошо, не будем заниматься в перспективных планах такими детальными цифровыми выкладками и ограничим внимание на перспективах основных линий развития. Но как можно определить эти перспективы без детальных расчетов? Как можно ответить на вопрос, скажем, о перспективах внедрения интенсивных культур в сельское хозяйство, если не рассчитать, насколько вырастут общие посевные площади, насколько вырастут интенсивные и зерновые культуры, насколько вырастет промышленное потребление технического сырья и т. д. И раз вы встали на этот путь расчетов, вы логически приходите к необходимости вообще точных и подробных количественных расчетов на будущее. На это необходимо ответить. Да, если бы мы были в состоянии построить такое точное числовое предвидение, было бы лучше его сделать. Но так как — на что указывалось уже выше — мы этого сделать не можем, то это простой самообман, будто мы разрешаем проблему, когда изображаем движение всех элементов в дробно-количественной форме. Это простой и вредный самогипноз, будто статистик, часто мало что понимающий в экономике, но умеющий хорошо считать, умеющий определить темпы роста любого элемента за прошлое время, разрешает поставленную проблему о перспективах интенсификации, когда он, исходя из произвольных коэффициентов, рисует эти перспективы всеми цветами цифр: абсолютных, относительных и т. д. Это простой самогипноз и фетишизм цифр не только по существу, но хотя бы еще и по фактическому состоянию наших статистических данных. Действительно, мы в сущности не знаем, велики ли у нас фактически посевные площади интенсивных и других культур, мы не знаем, каково у нас фактическое количество скота, мы не знаем, ошибаемся ли мы в этих фактических цифровых данных на 5 или на 25%, и тем не менее строим детальные погодные цифровые расчеты на длительное будущее, строим их с точностью до десятых процента, убеждая себя и других, что вскрываем реальные перспективы интенсификации и т. д. Но если такие детальные цифровые увлечения этой и других проблем не разрешают, то они и не нужны. Разрешение проблемы, нужное для практической ориентации в будущем, лежит не в этих цифровых упражнениях, а в углубленном экономическом анализе (в том числе и при помощи статистического метода) условий внутреннего, мирового рынков, условий, определяющих уровень и соотношение цен, условий, определяющих вероятную тенденцию изменений рынка, реорганизации сельского хозяйства и т. д. Если при этом анализе выяснится

возможность дать приблизительное цифровое выражение этих тенденций (с указанием возможных пределов ошибки),— против такого цифрового выражения нет смысла возражать. Но при этом условии центр тяжести построения перспектив с цифровой частью перемещается именно в сферу углубленного экономического анализа проблемы. Именно такой анализ (поразительное дело!), как правило, совершенно отсутствует в наших планах. У нас, как правило, поступают проще и смелее. Начинают с построения в цифровом и детальном выражении перспектив, потом в краткой тезисной форме иногда указывают, какие условия нужно было бы изучить, как условия, от которых перспективы зависят. Самого изучения этих условий, правда, не проводят и обычно не производят, но тем не менее сосредотачивают все внимание на том, чтобы убедить и себя, и других, что перспективы обоснованы. В итоге и получается, что план сводится часто к бессодержательному набору мертвых статистических таблиц и кратких пояснений к ним. Не этим ли, однако, объясняется, что наши планы так мало читаются, что к ним относятся как к «ненастоящей» научно-практической работе? Не этим ли объясняется, что их начинают пересматривать ранее, чем успели кончить их построение?

Третий вывод таков. Так как доступное нам количественное предвидение будущего, поскольку мы к нему прибегаем, всего лишь приблизительно, то во избежание ошибок на практике следует давать не однозначно точное цифровое выражение предположений, а всегда с указанием приблизительной вероятной ошибки его. Это правило необходимо потому, что, по существу, мы никогда не имеем достаточных оснований формулировать наше предвидение в конкретно однозначной форме.

В связи с этим стоит четвертый вывод, относящийся уже к пониманию планов. Раз многие явления мы не можем выразить количественно, раз количественное выражение перспектив, где мы к нему прибегаем, не может быть однозначным, составляемые планы не могут пониматься, как строго точная, так сказать, «казенная» директива. Они должны пониматься как основная указующая директива, требующая от практики максимальной творческой гибкости в смысле учета конкретных условий работы и получения наибольших результатов. В соответствии с этим в тех областях где желательны максимальные достижения, где, по существу, желательно превышение плановых предположений на практике, практика должна рассматривать планы как планы минимальные и должна проявить творческую инициативу в достижении наибольших результатов. Таково, например, положение в области продукции, заготовок, экспорта и т. д. Наоборот, в тех областях, где существо наибольших достижений состоит как раз в экономии против плана, практика должна рассматривать план, как максимальный. Таковы, например, все планы, связанные с расходом материальных и денежных средств и т. п.

Пятый вывод, который вытекает из всего предыдущего изложения, таков. Наши операционные и перспективные планы практически почти не отличаются друг от друга по существу. Они отличаются чисто внешне и главным образом тем, что одни строятся на год, другие на несколько или на много лет. Но по содержанию и характеру построения они очень мало отличны друг от друга. В настоящее время выдвинута задача построения особого генерального плана на 15 лет. Но по намеченному содержанию его — это, в сущности, также просто перспективный план только не на 3 или 5 лет, а на 15. В нем намечаются те же рубрики, те же расчеты и т. д. Мы думаем, что необходимо провести более глубокую грань между различными планами. Операционные планы должны остаться планами, в которых дается наиболее конкретная и в максимально-возможной степени (в соответствии со вторым выводом, изложенным

выше) количественная характеристика - перспективен мероприятий. Перспективные планы, наоборот, должны быть максимально освобождены (в указанном во втором выводе смысле) от конкретных и детальных цифровых расчетов на будущее. В них должно найти место углубленно-экономическое освещение основных вероятных и желательных тенденций развития народного хозяйства или различных его отраслей, а также направления наших мероприятий. Цифровые характеристики этих тенденций должны даваться в них лишь там, где это действительно необходимо и возможно. При этом, конечно, должны быть учтены особенности и настоятельность практических запросов к таким количественным расчетам и возможности этих расчетов в различных областях хозяйства. В связи с этим такие расчеты могут получить большой удельный вес, скажем, в промышленности и транспорте, меньший в сельском хозяйстве, минимальный — в сфере денежного обращения и кредита.

Наряду с этим нужно признать, что перед государством имеются особо трудные проблемы направления строительства, проблемы, которые связаны с крупными капитальными вложениями и которые имеют глубоко революционное значение для развития народного хозяйства. Таковы, например, вопросы крупных железнодорожных сооружений, сооружений крупнейших электростанций, портов и т. д. Решение этих проблем в целом не укладывается полностью ни в сроки перспективных планов, ни, тем более, планов операционных. Поэтому они не могут получить достаточного освещения в этих общих операционных и перспективных планах.

Такие проблемы планового строительства требуют дополнительной и специальной разработки со всеми необходимыми обоснованиями и расчетами возможности и целесообразности намечаемого крупного строительства и притом разработки не только, в целом, но и в каждом конкретном случае особо.

Шестой вывод, который мы хотели бы сделать из предыдущего изложения, сводится к следующему. Поскольку мы считаем, что центр тяжести перспективных планов лежит не в детальных цифровых расчетах, а как раз в определении и обосновании важнейших вероятных и желательных тенденций развития народного хозяйства и линии мероприятий, постольку при построении перспективных планов должно быть обращено неизмеримо большее внимание на углубленное экономическое изучение действительности, чем это делается и делалось до сих пор. Это положение после всего сказанного само по себе очевидно. Если мы и можем получить какую-либо возможность серьезно понять основные тенденции развития в будущем и наши возможности воздействия на них, то только на основе такого изучения. Если мы и можем придать своему предвидению и перспективам, хотя бы в отношении наиболее устойчивых и основных элементов, приблизительное количественное выражение, то только на основании изучения действительности и наших возможностей воздействия на нее. Такое изучение должно охватывать все основные условия, под влиянием которых складывается развитие нашего народного хозяйства в целом, если речь идет о построении общего плана, и тех или иных отраслей его, если речь идет о построении специальных планов. Должно быть изучено влияние как условий мирового хозяйства, как влияние внутренних условий, и внутреннего рынка, так и влияние регулирующего воздействия мероприятий государства. Так как задачей этого изучения является выяснение закономерных тенденций развития нашего хозяйства или различных его отраслей, так как эти закономерности в различных районах различны, то такое изучение должно быть в необходимой степени порайонно расчлененным. Это положение имеет особенно большое значение при построении планов развития сельского

хозяйства. Изучение «тенденций развития сельского хозяйства должно при этом учесть не только районную разнородность сельского хозяйства, но и его социально-экономическую дифференциацию. Только на основе такого изучения можно прийти к достаточно обоснованным обобщениям и выводам относительно перспектив будущего и относительно системы необходимых мероприятий.

Из предыдущего вытекает дальнейший, седьмой, если угодно, педагогический вывод. Составление перспективных планов при такой постановке должно быть делом лиц высокой квалификации и специальной научной и научно-практической подготовки. Оно, как и всякая работа, требующая специальной подготовки, не может быть делом всякого. Перспективных планов развития сельского хозяйства, промышленности и т. д. не может быть на данный период много. Должен быть один хороший план развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т. д. В связи с этим, мы считаем нецелесообразным делать обязанностью различных местных организаций составление перспективных планов. Поскольку для построения перспективных планов требуется конкретное выяснение условий развития тех или других районов, опыт местных работников должен быть широко использован путем совместного решения с ними специально местных проблем. Но было бы ненужной тратой сил заставить местных агрономов, местных инженеров и других работников всех губерний и областей писать трактаты о влиянии мирового и национального рынков и т. д. на развитие их края. На основе широкого использования местного опыта дело составления перспективных планов должно быть сосредоточено в конце концов в центре. Причем в тех целях, чтобы построение планов не было оторвано от практической работы и от запросов практики, построение их должно быть непосредственно связано с практически регулирующими органами. Роль Госпланов лежит в согласовании методов построения планов и выводов, полученных в результате разработки таких планов по различным отраслям хозяйства. Наоборот, поскольку оперативные планы, призванные, опираясь на перспективный план, конкретизировать перспективы и систему мероприятий применительно к условиям данного года, данного района или данной отрасли, работа над ними требует безусловного участия непосредственных работников мест.

Итак, плановое руководство народным хозяйством у нас является одной из основных задач. Но плановое руководство хозяйством требует и хороших планов. Наша практика составления планов очень часто понимает свои задачи и возможности неправильно. Именно поэтому она полна увлечений, именно поэтому она напрасно растрчивает слишком много сил, именно поэтому она слишком оторвана от практики экономической политики и ставит ее перед неожиданностями. Мы не хотим сказать, что эти положения можно отнести к практике построения планов во всех случаях. Но таково правило. Именно поэтому практике составления планов необходимо строго учесть свой опыт и подняться на иную, более высокую ступень.